

ЦВИНТАР

— Вставай, сынок!

Мама дергала мою простыню, которая и так почти сползла на пол с раскладушки. Именно, раскладушки, которую соорудил отец из четырех жердей и двух скрещенных, которые почему-то называли козлами. По бокам было прибито солдатское одеяло. Спать было уютно, потому что мне снились цветные сны, в которых я иногда летал. Ничего уже не вспоминается, но ощущение какой-то радости, как от кондитерской по соседству за два квартала, осталось.

— Вставай, сынок, опоздаешь в школу!

— Мама, какая школа? Каникулы.

— Ой, сынок, извини, я по привычке. Вот глупая, совсем закрутилась с этими цифрами и отчетами. Отдыхай, но не забудь: возмешь в магазине хлеб у бабы Мани, она знает. Ну, ладно, я пошла. Отца не будет, присмотри за домом.

В общем коридоре на входной двери звякнула старая защелка. В тишине стало скучно. Спать уже не хотелось. Вспомнил, что сегодня друзья собираются на большое городское озеро. Быстро встал. Сложил раскладушку и с трудом засунул её за огромный деревянный резной шкаф. Слегка позавтракав, взял в карман пригоршню рафинированного сахара и закрыл на ключ дверь. Зашёл к соседям, оставил им ключ и вышел на улицу.

Утренняя прохлада наступавшего дня ласково трепала ветерком непричесанные волосы. В соседнем дворе тётя Зося ругала кошку, что улеглась в её цветнике. Мимо на велосипеде проехал на работу хмурый Василий, столяр. Его очень уважали. Но мы, детвора нашей улицы, побаивались его, из-за его хриплого голоса и странных шуток. Например: «Что смотришь как сучок на рубанок?». Это нам казалось подозрительным, настораживающим. Я перебежал через дорогу и зашагал к знакомому подъезду.

У Вовки Полякова, моего друга, меня встретила его мать. Она нигде не работала. Это очень удивляло, потому что все мамы ребят из моего класса работали. Думал, она больная, но Вовка на мой вопрос удивлённо посмотрел и сказал:

— Да ты что, она ещё нас с тобой переживёт.

Отец Вовки был генерал, но я его, кажется, никогда не видел.

Усадив меня на стул в кухне, Вовкина мать сказала, что Володя сейчас выйдет.

И он вскоре появился, улыбаясь и почесывая затылок.

— Мам, чего-нибудь поесть!

На столе появился чай и румяные блинчики. Что-то, а блинчики у неё получались знатные.

Мы быстро поели и вышли во двор, половина которого заросла травой, а другая, хотя и ровная, но была вся в шлаке. Здесь до войны стоял дом, упала бомба. Рядом жил Витька Казаков, наш друг, потому Вовка лихо засвистел.

Послышалось, как Витька хлопнул дверью. Выскочил к нам. Вслед ему что-то прокричала бабушка. Но Витька схватил меня за руку и потащил, говоря:

— Быстро идём, а то заставит траву рвать кроликам.

Пробравшись через щель в заборе, мы вышли на другую улицу, которая была всегда в тени. Вдоль дороги росли старые липы. Поэтому, наверно, её называли «Липовая».

Минут через пять мы были уже на озере, которое ребята называли «Цвинтар». Польское название кладбища. Действительно, там было еврейское кладбище, где было захоронено немало польских евреев. Мы расположились на траве, недалеко от недавно построенного прямо в озере деревянного бассейна. Здесь уже были отдыхающие, детвора и картёжники. Кое-кто играл в шахматы.

Солнце всё больше и больше набирало силу. Побросав свои пожитки, мы вскоре плескались вблизи берега.

Я ещё только начинал учиться плавать. Те десять метров до дощатого бортика бассейна были для меня мечтой, не потому что я боялся воды, а совсем по другой причине, которую тщательно скрывал от друзей. Боялся, что засмеют. А всё дело было в том, что старое еврейское кладбище не давало мне покоя. Мне всё казалось, что, если я войду в воду, то меня схватят умершие души евреев и будут мучить за то, что я, русский мальчик, потревожил их покой. Я заходил в воду по колени, а затем возвращался

назад, испытывая неподдельный страх, покрываясь гусиной кожей. Ребята подтрунивали, считая, что я трушу. Они были правы. Так продолжалось, наверно, неделю. Но, наконец, преодолев остатки страха, я забыл о еврейских душах, но не о сапожнике Яше, последнем покойнике, удостоившемся быть похороненном на старом кладбище по его желанию.

Ребята называли его дядей Яшей. Дядя Яша, добрая душа. Сапожник, что называется, от бога. Вся округа, да что там вся округа, весь город знал дядю Яшу. Знал его и я. Мама иногда посылала меня к нему то за туфлями, то за босоножками, то за отцовскими хромовыми сапогами. Почему-то это происходило довольно часто. То ли обувь была некачественная, то ли дороги были такими...

Как-то я пришел к дяде Яше в мастерскую, где пахло густым настоем кожи, клея и гуталина, чтобы забрать свою обувь. Дядя Яша, посмотрев поверх своих толстых очков, воскликнул:

— А, молодой человек, заходите, мой любезный друг! Вот ваша драгоценная ноша и моя несравненная работа, — он взял с полки пару ботинок, которые мама отдала ему в ремонт на прошлой неделе, и положил на прилавок. — О, молодой человек, если бы вы знали, как я люблю вашу обувь, если б вы знали! Несравненные ботинки. Таких ботинок нет больше нигде во всём мире. Да, молодой человек. Вы только посмотрите на эти ботинки, на это чудо моей работы. Вы думаете, что здесь что-то осталось?

Он стал показывать мои ботинки, вращая их перед моим носом. Я смотрел и не мог понять, что там могло бы остаться.

— Вы думаете, что здесь что-то осталось с того времени, как ваша очаровательная мама принесла их мне три года назад? Вы посмотрите, какие у меня руки!

Он протянул свои руки, большие, волосатые, в шрамах. Ладони казались огромными мозолями с такими же пальцами.

— Вы посмотрите на эти руки? Я сам удивляюсь, когда смотрю на свои руки. И кто мне дал эти руки? Я вам говорю, молодой человек, от вашей обуви точно ничего не осталось. Это всё сделано этими руками из одних заплаток, молодой человек. Благодарите всю свою жизнь своего папу — это он дал мне свою кожу на ваши ботинки и не только на ваши.

Я поморщился, представляя, как отец вырезает свою кожу для ботинок.

— Да, да, молодой человек, если бы здесь был гражданин Да Винчи, он сказал бы: «Яша, у тебя золотые руки, зачем ты их прячешь в этой, забытой богом, мастерской. Приезжай, Яша, в Италию, Яша, ты будешь уважаемым человеком». Я бы поехал в Италию, но только, чтобы посмотреть, да, чтобы посмотреть какие руки у итальянских сапожников. И всё. Остальное меня не интересует. У меня всё есть. Я уважаемый человек. Вы видите, какую скульптуру я сделал из ваших ботинок за эти годы? О, годы, годы... По мере того, как ваши ботинки становятся больше, мне остаётся всё меньше, — он посмотрел на меня сквозь свои круглые очки огромными глазами, полными весёлой грусти. — Ха...ха...ха... молодой человек, — вдруг рассмеялся дядя Яша — Вы думаете, я сошел с ума? Вы так думаете?

Дядя Яша никогда не сходит с ума — это не мой трамвай. Мой трамвай всегда у меня в уме и я на нём еду, куда хочу. Вам не кажется это смешным? Ах, молодой человек, если бы я вам рассказал, что смешно, вы бы умерли со смеху, но вы такой молодой человек... Берите свои ботинки!

Я взял ботинки и положил в его огромную руку тридцать пять копеек и два ещё тёплых яйца из-под нашей курицы, как и велела мама.

— Разве это не смешно? — хохотал вслед дядя Яша... я шёл домой, так ничего и не поняв из его продолжительной речи.

Дядя Яша, как он там сейчас, встретил ли итальянских сапожников?

Солнце подпекало. Очнувшись от воспоминаний, оглянулся. Ребята сделали второй заход в воду. Моё тело сплошь покрылось капельками пота, образуя слегка липкую прозрачную глазурь на загоревшей коже. Раньше у меня было убеждение, что надо меньше пить воду, но затем пришла мысль, что вода, как утверждали взрослые, есть жизнь. Мне не хотелось умирать... Из репродуктора на фонарном столбе бодрый, слегка глуховатый, голос пел: «Удивительный вопрос: почему я водовоз?» и тут же отвечал: «...от того, что без воды и не туды и не сюды...». Да, заключил я, и не туды и не сюды. Вскочил и побежал к друзьям в воду. Прыгнул с разбега и поплыл, размахивая руками... И таки доплыл до бортика бассейна. Взобрался на дощатый помост. Устав, лёг ничком и закрыл глаза...

Через сверкающие разноцветные лучики сначала бледно, а затем более явно стали проступать какие-то фигуры. Они плавно не то ходили, не то летали. Мне казалось, что они улыбаются. Неожиданно в толпе смуглых людей в кожаных передниках я увидел дядю Яшу. Он показывал, похоже, итальянским сапожникам свои, сверкавшие золотом, руки... Меня растолкали друзья.

— Ты что, спишь? — спросил Вовка. — Не дури! Сгоришь на солнце. Да и, видишь, бегают тут... играют в догонялки, не дай Бог столкнут в воду!

Глядя на моё, по-видимому, глупое улыбающееся лицо, Витька хихикнул.

— Ну, ты бы посмотрел на себя, ну и рожа. Они с Вовкой смеялись, схватившись за животы. На моём лице красовался отпечаток доски, той доски, на которой я только что видел удивительный сон. Мне было всё равно, я был счастлив.

Ялта. 2013.

